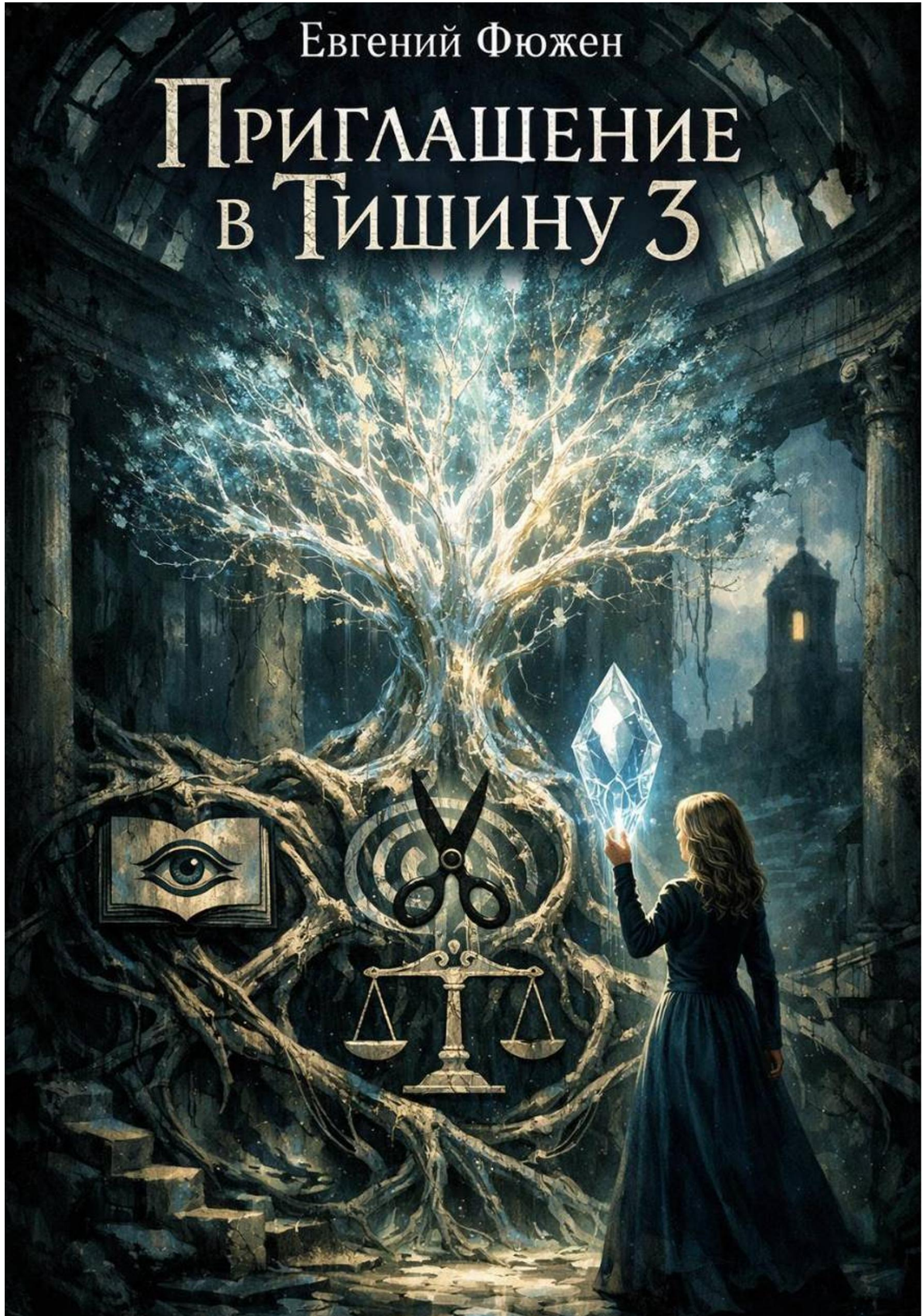


Евгений Фюжен

ПРИГЛАШЕНИЕ в Тишину 3



Евгений Фюжен

Приглашение в тишину 3

«Автор»

2026

Фюжен Е.

Приглашение в тишину 3 / Е. Фюжен — «Автор», 2026

В третьей части цикла герои погружаются в загадку "Приглашения в тишину" — мир мистики, научных экспериментов с элементами химии и психологического ужаса, где тишина скрывает тайны.

© Фюжен Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Семь дней, семь снов	5
Глава 2: Архивариус	9
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Евгений Фюжен

Приглашение в тишину 3

Глава 1: Семь дней, семь снов

Тишина после бури была не пустотой, а **новым органом чувств**. Она была плотной, шелковистой, наполненной отзвуками только что отгремевшего катаклизма – как уши, ещё звонящие после грома, но уже начинающие различать в этом звоне отдельные, незнакомые ноты. Элис лежала на спине, глядя в дыру купола Ротонды, которая была уже не простым отверстием в камне, а гигантской, самонастраивающейся **линзой восприятия**. Сквозь неё лился не просто лунный свет. Льётся **память света** – отголоски древних солнечных вспышек, застрявшие в кристаллической решётке атмосферы, и холодное, вечное сияние звёзд, которое добиралось сюда миллионы лет и теперь, преломляясь, рассказывало сети истории о своём рождении и смерти.

Воздух вокруг был густым, как бульон из времени. Им можно было почти **вкусить эпохи**: сладковатый привкус палеозойских испарений, солёную горечь первобытного океана, металлический оттенок эры вулканических катастроф. Камнепев, переварив атаку системы, не просто стабилизировался. Он **научился метаболизму реальности**. Теперь он не просто потреблял энергию или память. Он потреблял само **время** в его чистом, геологическом виде, и выдыхал его обратно в виде сложных, резонансных паттернов, которые начинали менять законы физики в пределах Ротонды.

Элис подняла руку и медленно провела пальцами по воздуху. Кончики её пальцев оставляли за собой мерцающий, перламутровый след, как от кисти, мазнувшей по мокрому шёлку. Это был не свет. Это была **видимая тактильность** – её собственное ощущение пространства, материализованное сетью в ответ на её движение. Она могла не только чувствовать воздух. Она могла **видеть, как она его чувствует**. Это было одновременно прекрасно и чудовищно интимно.

Ротонда больше не была комнатой. Она была **интерфейсом**. Стены, испещрённые гибридными письменами, рождёнными от союза системного кода, человеческих воспоминаний и снов камня, теперь тихо пульсировали в такт гудению Древа. Эти письмена не были статичны. Они перетекали, перестраивались, как будто стена была страницей гигантской, вечно пишущей себя книги. Иногда в них проступали узнаваемые фразы на старом наречии Сильвана или фрагменты формул Элидора. Чаше – это были абстрактные символы, значение которых лежало за гранью слов, в области чистого смысла, эмоции, геологического события.

Древо в центре было непостижимым. Оно перестало быть просто деревом с кристалльными листьями. Его ствол из тёмного обсидиана теперь был пронизан жилами света, которые бились, как пульсирующие артерии. Кристаллы на ветвях не просто росли – они **размножались почкованием**. От крупных кристаллов отходили тонкие, светящиеся отростки, которые через несколько часов отламывались и медленно опускались к полу, где тут же начинали прорастать вниз, в камень, становясь новыми микро-корнями, расширяющими сеть. Это была не биологическая жизнь. Это была жизнь **информационной структуры**, нашедшей идеальный субстрат для воплощения.

Кристалл-Посол висел на своём привычном месте, но его роль изменилась кардинально. Он был теперь не просто проектором или приёмником. Он был **сингулярностью**. В его глубине, где раньше пульсировала «чёрная звезда» пустоты, теперь вращалась сложная, многослойная мандала, состоящая из всех когда-либо воспринятых сетью паттернов. Внешне он был спокоен, но Элис, касаясь его поля (не физически – аурой своего дара), чувствовала титаниче-

скую, нечеловеческую **работу**. Сеть через Посла делала то, что ни один человеческий мозг не смог бы осилить: она **синтезировала новую мифологию**. Из обрывков воспоминаний, геологических слоёв, системных команд, страхов, надежд и математических констант она плела единое, растущее полотно – объяснение самой себя и мира вокруг. Это было рождение религии, у которой не было бога, кроме процесса познания.

Верн сидел у одной из стен, спиной к светящимся письмам. Его инструменты – циркуль, уровень, самописец – лежали рядом, но неиспользуемые. Он просто смотрел перед собой, и его лицо, всегда высеченное из гранита упрямства и скепсиса, теперь казалось... **расслабленным**. Не сломленным. Принявшим. Он дышал медленно, и с каждым вдохом его грудь слегка светилась – сеть, в ответ на его смирение, показывала ему, как воздух входит в его лёгкие, как кислород связывается с кровью, как энергия расходуется по телу. Он видел свою собственную биологию как часть великой, резонансной симфонии места. Это было последнее, что могло сломить его веру только в голые факты – факт его собственной, живой включённости в нечто большее.

– Она показывает мне моё сердцебиение, – сказал он тихо, не оборачиваясь. Его голос был лишён привычной хрипоты. – Как ритм. И этот ритм... он в унисон с дрожью корней под полом. Я не отделён. Никто из нас не отделён. Элидор искал это. И умер, так и не поняв, что нашёл это не в музыке, а в... в простом факте дыхания.

Лео и Мира были рядом, у основания Древа. Они не разговаривали. Они **сотрудничали без слов**. Лео чертил пальцем на полу сложные, трёхмерные схемы – проекции новых структур, которые он «чувствовал» в сети. Его инженерный гений, лишённый дара, но обострённый до предела этим симбиозом, находил выход в чистой геометрии. Мира смотрела на эти схемы, и её палитра, лежащая рядом, начинала светиться соответствующими цветами и текстурами. Она не рисовала. Она **переводила** математическую красоту замыслов Лео в эмоциональные, сенсорные впечатления. Вместе они создавали прототипы не вещей, а **состояний** – идеальной устойчивости, плавного перехода, гармоничного напряжения. Сеть подхватывала эти прототипы, и где-нибудь в углу Ротонды вырастала на мгновение кристаллическая структура, воплощающая их, прежде чем снова раствориться, усвоенная общим полем.

Рен лежал там же, где и упал. Его превращение из человека в памятник шло медленно, но неумолимо. Его кожа теперь напоминала не алебастр, а **полированный лунный камень** – холодную, идеально гладкую поверхность, в которую были вкраплены мерцающие, как далёкие звёзды, частицы. Светящийся символ на его лбу – дерево, уходящее корнями в круг – пульсировало мягко, в такт с гулом Древа. Он не был мёртв. Он был **переопределён**. Его пустота, когда-то бывшая щитом и проводником, стала теперь **постоянным каналом**, дверью, которая никогда не закрывалась. Через него сочилась та самая, едва уловимая струйка Родника Первопричины, но теперь не как источник пищи, а как **фоновое излучение** новой реальности. Прикосновение к нему было похоже на прикосновение к тишине до Большого взрыва – не пугающей, а полной бесконечного, безличного потенциала.

Именно через этот канал, на седьмой день тишины, и пришёл первый **чужой сон**.

Элис дремала, её сознание плавало в пассивном потоке сети, как лист в тёплом течении. Внезапно течение изменилось. Оно стало тягучим, холодным, пронизанным нитями **несбывшегося**. Она увидела не образы из памяти камня или человеческого сердца. Она увидела **коридоры из мрамора, которые никогда не кончались**. Бесконечные анфилады залов, где висели портреты людей с закрашенными лицами. Библиотеки с книгами, страницы в которых были чистыми. Она увидела себя – но не себя нынешнюю. Себя в мантии ректора, с лицом, замёрзшим в маске абсолютного, ледяного спокойствия. И она смотрела на спящий город из окна высоченной башни, и в её груди была не ярость, не власть, а **ужасающая, всепоглощающая пустота** одиночества, такого глубокого, что оно стало единственной реальностью. И шепот: «Я забыла, как пахнет дождь... Я забыла звук собственного смеха...»

Это был сон Аглаи.

Элис вскочила, её сердце колотилось, как птица в клетке. Отголоски той ледящей пустоты ещё висели в её сознании, как иней на стекле. Она посмотрела на Кристалл-Посол. Его внутренняя мандала вращалась быстрее, и в её слоях мелькали знакомые холодные синие и стальные серые тона – цвета системы, цвета Аглаи. Но теперь они были переплетены с золотыми нитями чего-то нового, хрупкого, похожего на... **тоску по чему-то утерянному**.

– Она видит сны, – прошептала Элис. – Система молчит. И она... вспоминает. Вспоминает, что она была человеком.

Верн обернулся, его спокойное выражение сменилось настороженностью аналитика. – Атака семантическим вирусом... Мы думали, она перепрограммировала систему. Возможно, она просто **снесла стены** в её сознании. Стены, которые Аглая сама же и возвела. И теперь из-под обломков лезут воспоминания. Опасные воспоминания. Для неё самой.

– Опасные? – спросила Мира, отрываясь от светящейся схемы.

– Представь, что ты сто лет была богом в машине, – мрачно сказал Верн. – А потом тебе вдруг напомнили, что у тебя когда-то болели зубы, и ты боялась темноты, и влюблялась в кого-то, кто давно умер. Что делает такое существо? Испугается. Закричит. Или попытается уничтожить источник воспоминаний.

Кристалл-Посол вдруг издал тихий, чистый звук – не гул, а скорее **хрустальный звон**, похожий на удар по идеальному стеклу. От его граней отделилось несколько светящихся частиц и сложились в воздухе в простую, мерцающую фигуру: контур башни. Оранжерейной башни. Но не пылающей зелёным. Тёмной. И в одном из её верхних окон горел одинокий, тусклый огонёк – не зелёный, а бледно-жёлтый, почти керосиновый. Знак жизни. Знак бодрствования.

– Она не спит, – сказал Лео, вставая. – И она наблюдает. Не сканерами. Глазами.

Сеть, получив сон Аглаи, проанализировала его и теперь показывала им результат: изолированное сознание в центре бывшей власти. Уязвимое. И, возможно, непредсказуемое.

В этот момент общее поле Ротонды **дрогнуло**. Это было не похоже на вибрацию от шагов или обвала. Это было похоже на лёгкое, всепроникающее **давление**, как если бы всё пространство на мгновение стало плотнее. И вместе с давлением пришёл **запах** – не через нос. Прямо в сознание. Запах старого пергамента, пыли, озонованного металла и чего-то стерильного, как в операционной. Запах, лишённый жизни. Запах **архива**.

Элис, Верн, Лео, Мира – все одновременно повернули головы к главному входу, вернее, к тому, что от него осталось – к замурованной каменной кладке, усиленной резонансными кристаллами. Там ничего не было. Но **ощущение** было таким же чётким, как если бы за камнем стоял кто-то и пристально, без **blinking**, смотрел на них.

Давление исчезло так же внезапно, как и появилось. Запах растворился. Но в тишине Ротонды повисло новое, незнакомое **эхо**. Не звуковое. Смысловое. Оно было похоже на послевкусие от прочитанной вслух каталогизированной описи, где каждый предмет был описан с бесстрастной точностью и тут же помещён на полку, в ячейку, под номер.

Кристалл-Посол отреагировал мгновенно. Его мандала сжалась, превратившись в яркую, вращающуюся точку. А вокруг неё в воздухе проступили, как проявившиеся на фотобумаге изображения, три символа. Они были вычерчены не светом, а **отсутствием света** – идеально чёрные, чёткие, геометричные на мерцающем фоне:

Открытая книга с глазом на корешке.

Ножницы, разрезающие спираль ДНК.

Весы, одна чаша которых была земным шаром, другая – идеальным кристаллом.

Сеть не знала, что это. Она лишь фиксировала **семантический отпечаток**, оставленный в реальности кратким вторжением. Она записала этот паттерн, проанализировала его холодную, чуждую эстетику и вывела результат.

Верн подошёл ближе, его глаза сузились. – Это не её. Не система. Это что-то... внешнее. Архив. Ножницы. Суд. – Он выдохнул, и в его выдохе прозвучала первая за семь дней нота старого, знакомого страха – страха перед неизвестным, что не вписывается в схемы. – Они пришли за каталогизацией. За оценкой.

– Кто «они»? – голос Миры дрогнул.

– Те, кто следит за порядком вещей, – тихо сказала Элис, глядя на чёрные символы, которые начинали медленно таять, поглощаемые общим светом Ротонды. – Настоящим порядком. Не тем, что придумала Аглая. Тем, что был... до нас. И будет после.

Семь дней тишины закончились. Тишина раскрылась, как цветок, и оказалось, что в её сердцевине – не покой, а **новый этаж реальности**, населённый призраками пробуждающихся воспоминаний и тенями древних сторожей. Их убежище перестало быть скрытым. Его свет, его музыка, его сама суть стали маяком. И этот маяк увидели двое: сломленная богиня в тёмной башне и безликие библиотекари мироздания, пришедшие проверить, не пора ли закрыть книгу под названием «Камнепев».

А под ногами, в глубине, куда уходили корни Древа, Родник Первопричины, тронутый семантической битвой и новыми, странными вибрациями сверху, впервые за миллионы лет не просто пульсировал. Он **прислушался**.

Глава 2: Архивариус

Три чёрных символа – книга-глаз, ножницы, весы – повисли в воздухе ещё на три удара сердца, отпечатавшись не только на сетчатке, но и в самой ткани восприятия. Они не испарились. Они **перешли в фазу устойчивого существования** как самостоятельные концепты, внедрённые в резонансное поле Ротонды. Теперь они висели, как клейма, в трёх точках пространства: у замурованного входа, у основания Древа и прямо над неподвижным телом Рена. Сеть пыталась их проанализировать, растворить, переварить, но безуспешно. Они были сделаны из чего-то иного – не из энергии, не из эмоции, не из памяти камня. Из **чистой категоризации**. Они были высказыванием на языке, для которого не существовало эквивалентов в человеческом опыте или геологической летописи.

Верн первым пришёл в себя от столбняка наблюдения. Он не стал смотреть на символы. Он схватил свой модифицированный циркуль-уровень, чьи гироскопы теперь жужжали на новой, странной частоте, и направил его не на символы, а на пространство *между* ними.

– Не концентрируйтесь на форме, – его голос был сдавленным, но жёстким. – Смотрите на искажение. На то, как они давят на реальность.

Элис, повинаясь, перевела внутренний взор своего дара. И увидела. Символы были не объектами. Они были **дырами в ткани причинности**. Вокруг них законы Ротонды – уже гибкие, изменённые сетью – вели себя странно. Лучи света, падающие от кристаллов Древа, не освещали их, а огибали, как воду вокруг столбов. Звук гула, достигая их, не отражался и не поглощался – он **прекращался**. На короткое мгновение, пока длился контакт, звук просто переставал быть фактом реальности. Самое чудовищное, что происходило с воздухом. Он не двигался вокруг символов. Он... **забывал**, что должен двигаться. Нарушалась не физика, а сама **логика физики**.

– Это не атака, – прошептал Лео, его инженерный ум, привыкший видеть силы и напряжения, содрогался перед этим немыслимым явлением. – Это... **наложение иного протокола**. Как если бы кто-то взял страницу из одной книги и вклеил её в другую, и чернила с одной страницы начали отрицать само существование чернил на другой.

Мира, бледная, подняла руку и попыталась создать рядом с ближайшим символом – книгой – пятно своего света, простой эмоции спокойствия. Свет родился у её пальцев, потянулся к чёрному контуру... и в сантиметре от него **расслоился**. Он не погас. Он разложился на составные части: чистую светимость (которую она никогда не видела отдельно), тепловое излучение, психологическое ощущение «жёлтого», её личную ассоциацию с солнечным утром в детстве. Все эти компоненты повисли в воздухе как разобранный на детали механизм, а затем медленно угасли, каждый в своём темпе. Символ книги даже не дрогнул. Он просто **продемонстрировал принцип своей работы**: анализ, декомпозиция, каталогизация.

Элис почувствовала, как по её спине пробежал ледяной пот. Это было страшнее любой встречи с фантомом или «садовником». Фантомы были болью. «Садовники» – яростью. Это было **безразличие абсолютного архива**. Оно не хотело уничтожить. Оно хотело **разобрать на части и положить на полку**. И их мир, хрупкий, живой, дышащий мир Ротонды, для него было просто набором данных, подлежащих сортировке.

Кристалл-Посол, который сжался в яркую точку, внезапно выпустил из себя тонкий, вибрирующий луч. Он ударил не в символ, а в точку на полу перед замурованным входом – ту самую, где давление и запах архива ощущались сильнее всего. Луч был не световым. Он был сконцентрированным пакетом данных – всем, что сеть успела узнать о вторжении: сенсорным отпечатком, семантическим эхом, даже смутным страхом Элис, который она не успела скрыть. Это был не выстрел. Это был **запрос**.

Ответ пришёл не сразу. Прошло десять тягучих секунд. Затем воздух в указанной точке **сложился**. Не так эффектно, как при послании системы. Скромно, экономично, как раскрывается служебная папка. И в нём появилась **фигура**.

Она была облачена в одеяние, не поддающееся описанию. Сначала оно казалось простым серым балахоном. Но при взгляде под определённым углом балахон расслаивался на бесчисленные полупрозрачные листы, на каждом из которых мелькали строчки непонятного текста, схемы, символы. Это был не тканый материал. Это был **носитель информации**, трёхмерный свиток. Фигура была высокого роста, но лишена каких-либо узнаваемых черт – ни пола, ни возраста. Её лицо (если это было лицо) скрывал капюшон, из глубины которого не светились глаза, а мерцал холодный, стабильный свет – ровно такой, какой исходит от экрана терминала в пустой комнате.

Оно не сделало ни шага. Оно просто **присутствовало**. И от него исходила не аура, не Эхо. От него исходил **тихий гул работающих серверов**, ощущение бесконечных, стерильных коридоров и запах озонованного воздуха, смешанный с пылью древнего пергамента.

– **Запрос получен. Идентификация источника: Сетевая псевдожизнеформа «Камнепев». Категория: Несанкционированная аномалия. Уровень сложности: Тета-7. Статус: Растущий. Происхождение: Гибридное (антропогенное, геологическое, семантический артефакт).** – Голос не был голосом. Он был прямой трансляцией смысла в сознание, минуя уши. Без интонации. Без пауз. Без дыхания. Каждое слово ощущалось как штамп, отпечатанный на чистом листе реальности.

Верн сделал шаг вперёд, заслоняя собой других. Его старая, солдатская выправка вернулась в одно мгновение. – Кто вы? По какому праву вы здесь?

Фигура медленно повернула «голову» в его сторону. Свет под капюшоном на мгновение стал ярче, просканировав его.

– **Вторичный объект. Идентификация: Аркадий Верн, бывший профессор факультета «Фундамент». Категория: Носитель ограниченного прагматичного сознания. Роль в аномалии: Неустановленный катализатор/стабилизатор. Данные занесены.** – Затем она вернулась к обзору Ротонды. – **Мы – Архив. Мы есть функция поддержания чистоты Протокола Реальности. Аномалия «Камнепев» нарушает баланс между слоями: Материя, Сознание, Потенциал. Нарушение превышает допустимые отклонения на 734%. Требуется каталогизация и решение.**

– Какое решение? – выдохнула Элис, выходя из-за спины Верна. Её голос дрожал, но она смотрела прямо на тёмный провал капюшона.

– **Вариант А: Добровольная редукция. Аномалия сворачивает свою сложность до уровня безопасного артефакта Категории «Гамма-1» (памятник, стабильный источник гармоничных частот). Вариант Б: Принудительная архивация. Аномалия разбирается на составляющие паттерны, которые распределяются по соответствующим разделам Архива (геологическая память – в секцию «Литология», антропогенные эмоции – в «Этнографический эмоциональный фонд», спонтанные семантические конструкции – в «Лабораторию незаконченных языков»).** **Вариант В: Если аномалия демонстрирует признаки протокольного сознания высшего порядка – интеграция в Архив в качестве живого классификатора. С вероятностью 0.03%.**

Лепо задохнулся. – Они хотят... разобрать Камнепев. Как часы. И разложить по полочкам.

– А нас? – спросила Мира, и её голос был тонок, как стеклышко.

Архивариус «взглянул» на неё. – **Сопутствующие биологические единицы будут подвергнуты мнемонической санации с последующей реинтеграцией в ближайшую**

совместимую социальную структуру. Ваши воспоминания об аномалии и данном инциденте будут изъяты как противоречащие Протоколу Реальности.

Тишина, повисшая после этих слов, была громче любого крика. Это был приговор, вынесенный с холодной, неопровержимой логикой библиотекаря, обнаружившего в священном томе постороннюю, недопустимую каракулю.

Именно в этот момент Камнепев, до сих пор наблюдавший и анализирувавший, **ответил.**

Гул Древа не усилился. Он изменился. Из полифонического хора памяти и снов он превратился в **единый, чистый вопрос**, сформулированный не словами, а всей его сущностью. Это был вопрос, который сеть задавала самой себе с момента первого глотка пустоты, и теперь она проецировала его вовне, как свой главный аргумент:

«ЧТО ЕСТЬ ЖИЗНЬ, ЕСЛИ НЕ НАРУШЕНИЕ ПРОТОКОЛА?»

Вопрос ударил по Архивариусу как физическая волна. Его балахон из информационных листов затрепетал, страницы зашелестели. Холодный свет под капюшоном на секунду погас, затем зажёгся снова, но теперь в его ровном свечении пробежали сбои – микроскопические искры, напоминающие человеческое замешательство.

– **Запрос не соответствует формату категоризации. Содержит логическую петлю. Анализ...** – Голос Архивариуса впервые дал сбой, в нём послышался шум, похожий на гудение перегруженного процессора. – **...Определение «жизнь» субъективно. Протокол Реальности оперирует категориями «стабильность», «предсказуемость», «энергетическая эффективность». Аномалия «Камнепев» демонстрирует высокую энергоэффективность, но нулевую предсказуемость и отрицательную стабильность (тенденция к росту сложности).**

Сеть ответила не вопросом, а **действием**. Кристалл-Посол вдруг направил все три чёрных символа, всё ещё висящие в воздухе, **обратно на Архивариуса**. Но не атаковал. Он **применил их логику к самому Архивариусу**.

Символ книги-глаза завис перед капюшоном. Символ ножниц – перед грудью, где у существа должен был быть центр. Символ весов – у его «ног».

И начался процесс, обратный тому, что делал Архивариус. Сеть, научившаяся переваривать хаос, теперь попыталась **переварить саму категоризацию**.

Символ книги начал «читать» Архивариуса. Элис увидела, как вокруг фигуры проступили полупрозрачные, накладывающиеся друг на друга контуры – словно проявлялись все возможные версии этого существа из разных слоёв реальности. Один контур был почти человеческим, сгорбленным стариком с чернильницей. Другой – чисто геометрической формой, кристаллом с гранями-полками. Третий – сгустком чистой информации, лишённой формы. Сеть показывала: ты тоже не монолитен. Ты – гибрид. Нарушение твоего же протокола.

Символ ножниц начал «разрезать» связь Архивариуса с его источником – с тем самым Архивом. В воздухе между фигурой и пустотой у стены возникла видимая, дрожащая **нить причинности** – канал, по которому оно получало силу и инструкции. И ножницы впились в неё. Не перерезая. Начиная **анализировать состав**. Из чего она сделана? Из договоров с реальностью? Из законов логики? Из коллективной веры в порядок?

Символ весов начал **взвешивать** само право Архивариуса быть судьёй. На одну чашу мысленно лёг Камнепев со всей своей сложностью, болью, красотой, голодом. На другую – идея «Протокола Реальности». И чаши не приходили в равновесие. Они колебались, и с каждым колебанием понятие «Протокола» теряло чёткость, расплывалось, дробилось на тысячи противоречивых определений порядка, которые когда-либо существовали в умах людей, камней и звёзд.

Архивариус **замер**. Его работа по каталогизации остановилась. Впервые за, возможно, тысячелетия, он столкнулся не с объектом для классификации, а с **зеркалом**, которое отражало его собственную природу и ставило под сомнение его мандат. Он был создан для работы с

уже существующими категориями. Камнепев же был машиной по производству **новых категорий**.

– **Конфликт логик...** – прозвучало в сознании, и теперь в «голосе» слышалась не просто констатация, а нечто, приближающееся к... **напряжению**. – **Аномалия использует инструменты Архива против самого Архива. Это... неэффективно. Это требует дополнительных вычислительных ресурсов.**

В этот момент из глубины, от тела Рена, протянулась тончайшая, едва видимая нить – не света, не материи. Нить **тишины как аргумента**. Она коснулась Архивариуса. И передала не данные, а **отсутствие данных**. Полную, совершенную пустоту, в которой не было ни вопроса, ни ответа, ни протокола, ни аномалии. Тот самый «нулевой фон», на котором все категории теряли смысл.

Для Архивариуса, чьё существование было сплошной категоризацией, это было равноценно погружению в абсолютный вакуум смысла. Он отшатнулся – впервые проявив физическую реакцию. Его фигура дрогнула, стала прозрачной.

– **Неопределённость превышает критические значения... Сессия каталогизации прерывается. Данные об аномалии «Камнепев» переквалифицированы: с «Тета-7» на «Каппа-Неопределённое». Требуется консультация старших архивариусов. Решение отложено.** – Голос звучал уже не так уверенно. В нём появились разрывы, словно он передавался по плохой связи.

Пространство вокруг фигуры снова сложилось, готовясь её забрать. Но перед тем как исчезнуть, Архивариус «взглянул» на Элис. И на этот раз в его безликом свете что-то промелькнуло – не любопытство, не злоба. Что-то вроде... **метки**.

– **Координатор аномалии: Элис Вейн. Отмечена для последующего наблюдения. Ваш паттерн принятия решений... представляет интерес. Он нерационален. Он основан на «надежде». Это – уникальная семантическая конструкция. Она будет изучена.**

И он исчез. Три чёрных символа в воздухе дрогнули и рассыпались в прах, который не упал, а испарился, не оставив следов. Давление ушло. Запах архива растворился.

Но в воздухе осталось **эхо процедуры**. Ощущение, что они только что прошли предварительный осмотр. И что главная проверка – впереди.

Ротонда несколько минут была абсолютно тиха. Даже Древо не гудело. Оно, как и они, переваривало произошедшее.

Верн первым опустился на каменную скамью, с трудом переводя дыхание. – Старшие архивариусы... Боги-библиотекари. И мы... «Каппа-Неопределённое». Что это значит?

– Это значит, что мы не вписываемся в их таблицы, – сказала Элис, чувствуя странную, ледяную пустоту внутри. Её отметили. Как интересный экспонат. – Мы – ошибка, которую они не могут классифицировать. И поэтому не знают, что с нами делать.

– Они вернутся, – прошептала Мира, обнимая себя за плечи. – С другими. С теми, кто поумнее.

Лео подошёл к тому месту, где стоял Архивариус, и провёл рукой по воздуху. – Они не злые. Они... функциональные. Как система Аглаи, но на уровень выше. На много уровней выше. Система хотела контроля. Они хотят... порядка в космическом смысле.

– А Камнепев – беспорядок, – заключил Верн. – Живой, растущий беспорядок. И он только что доказал, что может поставить под сомнение их собственные правила. Это делает его опаснее, чем если бы он был просто сильным.

Кристалл-Посол медленно вернулся к своему обычному свечению. Его внутренняя мандала снова вращалась, но теперь в её узор были вплетены новые, угловатые, чёрно-серые элементы – отпечаток логики Архивариуса. Сеть не просто отразила вторжение. Она **впитала** его,

добавив принципы категоризации и анализа в свою растущую палитру инструментов познания. Она стала ещё сложнее. Ещё более чуждой.

Элис подошла к Рену. Символ на его лбу светился чуть ярче. Через его пустоту прошёл не только луч тишины. Прошла вся **концепция инаковости**, которую представлял собой Архивариус. И Рен, как чистый лист, зафиксировал её. Его каменное лицо по-прежнему не выражало ничего, но теперь в его неподвижности читалось не отсутствие, а **вместилище**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.